

На следующий день они с утра пораньше отправились к выезду из деревни, чтобы сесть на первую в тот день воловью повозку до города Юйлинь. Сюн Чжуаншань изначально хотел идти пешком, но Тан Шу, подумав, что у того только-только начала заживать травма ноги и не стоит перегружать её, настоял на том, чтобы ехать повозкой. Туда и обратно – всего-то четыре вэня, цена двух чашек соевого масла. В их доме теперь на такие мелочи денег не жалели.

Добравшись до Юйлиня, они первым делом обошли несколько крупных домов, обменяв у них множество конских хвостов — хватило бы штук на сто щёток, и стоило это всего лишь несколько десятков медяков. А вот когда дошло до покупки благовоний, дело оказалось совсем иным — цены на них были весьма высоки. Они купили по два ляна каждого из десяти с лишним видов, и на вид было вроде немного, а серебро ушло подчистую.

Таков уж был Сюн Чжуаншань — если уж избрал себе Тан Шу в супруги, то баловал его до последнего: пусть делает, что хочет, лишь бы был доволен. Кто бы позволил в другой семье вот так легко выбросить сумму, которой на два года жизни хватило бы, на какую-то никому не ведомую затею?

Вернувшись домой, Сюн Чжуаншань сразу же занялся конскими хвостами — отварил, просушил, аккуратно разделал и вплёл в головки щёток. Мягкие и в то же время упругие конские волоски идеально подошли для этого дела. Даже сам Сюн Чжуаншань, грубоватый мужик, которому всё бы как попроще, взглянув на результат, почувствовал необычное удовлетворение — настолько работа получилась аккуратной и изящной. Можно было представить, с каким восторгом примут это изделие изнеженные юные господа и барышни из благородных семейств.

— Фулан, взгляни-ка, — сказал он, — ты это имел в виду?

В руке у Сюн Чжуаншаня оказалась самая настоящая «зубная щётка» из будущего — только вместо пластика, как было у Тан Шоу в прежней жизни, она теперь была вырезана из дерева. На взгляд Тан Шоу, она даже выглядела лучше — имела ту самую «тяжесть культурного наследия», от которой веяло благородной простотой и древностью.

Тан Шоу с радостью взял щётку, покрутил её в руках, прикинул, как будет выглядеть в использовании, и довольно кивнул:

— Да, именно так! Сделай ещё несколько таких — мы отнесём их в уезд продавать, точно получим хорошую цену. А ещё нам нужны деревянные коробочки, только небольшие, размером чуть больше бычьего глаза. Съёмная крышка сверху — я хочу использовать их для упаковки зубной пасты.

— Такие коробочки делать легко, просто мелкие, требуют аккуратности, — отозвался Сюн Чжуаншань и сразу же взялся за дело.

Спустя всего лишь одну палочку благовоний (около 30 минут), он уже вырезал первую круглую коробочку. В крышке он предусмотрительно сделал два вогнутых паза, а на корпусе два

выпуклых штырька — так крышка плотно фиксировалась, не оставляя зазоров.

После этого они с Тан Шоу вместе принялись измельчать купленные ароматные травы и лекарственные ингредиенты, перетирая их в мелкий порошок, а затем смешивая в однородную пасту. Так родились три вида зубной пасты.

Первая состояла из агарового дерева (ченсян), белого сандала, сухэсяна, канифоли, борнеола и мускуса. Её замешивали на топлёном мёде до состояния густой пасты. Тан Шу дал ей имя «Цзюньцзы» — «Благородный муж», поскольку аромат этой пасты сдержанный и насыщенный, более подходящий для мужчин.

Вторая включала в себя желтый ладан, сафлор, агаровое дерево, сандаловое дерево, бобы тонка, пачули, сладкий османтус, мускус, тмин, гвоздику и мандариновую цедру, и другие редкие благовония, также растёртые в порошок и замешанные на сухэсяновом масле с добавлением мёда. Это была самая изысканная и дорогая из паст, подходящая как мужчинам, так и женщинам. Название она получила «Хэ ци жу лань» — «Дыхание как орхидея».

Первые два вида зубной пасты были рассчитаны на обеспеченную публику, а вот последний — на «малозажиточную респектабельность»: для тех, у кого водятся деньги, но до высшего света им всё же далеко. Состав был попроще — лишь борнеол, ладан и синий соляной камень, всё тщательно истолченное в порошок и смешанное с топлёным мёдом до густоты пасты.

— Ну как ощущения? — нетерпеливо спросил Тан Шоу, когда закончил, — есть ощущение, будто раньше зубы всё впустую чистил, а?

Он сам первым взял щётку, показал, как правильно ей пользоваться, и настоял, чтобы Сюн Чжуаншань чистил по всем правилам — мягко, аккуратно, ни в коем случае не вода щетиной поперёк зубов. Он помнил, как однажды сопровождал друга в стоматологическую клинику, где на экране крутили ролик про гигиену полости рта. Именно тогда он впервые узнал, что привычное горизонтальное движение щёткой на самом деле вредно — так повреждаются дёсны и шейки зубов.

Сюн Чжуаншань во рту чувствовал нежный, стойкий аромат: дыхание стало свежим и чистым, непривычно приятным — ни следа обычного солёного послевкусия, как бывало после чистки солью. Он сам ощущал, как легко дышится, будто во рту — весенний ветер с ароматом цветов.

— Очень приятно. Во рту так чисто и свежо... прямо как будто изнутри проветрило, — удивлённо сказал он.

— Вот, именно это ощущение! — радостно воскликнул Тан Шоу. — Я ведь раньше никогда не делал зубную пасту, и подумать не мог, что с первого раза получится так идеально.

Он взглянул на миску с ароматной пастой — пока не было подходящих баночек, он накрыл её тканью, чтобы сохранить аромат и защитить от пыли.

— Знаешь, если бы все эти знатные господа и дамочки узнали, насколько это полезная и ароматная вещь — они бы сами, с полными кошельками серебра, прибежали её покупать.

А Сюн Чжуаншань в этот момент думал вовсе не о деньгах, а о самом Тан Шоу. В этом человеке было слишком много странного: всё, что он умел, всё, что придумывал — ни о чём подобном Сюн Чжуаншань прежде не слышал. Каждое его знание могло бы прокормить целую семью. А эта самая зубная паста — и вовсе была чем-то совершенно особенным.

Он хоть и был родом из деревни, но за годы походов, сражений и службы повидал многое. Изначально он не придавал особого значения этим «зубным благовониям», думал лишь: ну, не в убыток — и то хорошо. Но стоило один раз попробовать, и он тут же понял, сколь велика ценность этой вещи.

Когда-то, во время службы, их отрядом командовал родной брат нынешнего императора — Чжэньбэй-ван. Он ел и жил с солдатами наравне, и бывало, умывались и чистили зубы все вместе. Но Сюн Чжуаншань никогда не видел, чтобы тот пользовался ни зубной щёткой, ни каким-то подобием зубной пасты. А уж если бы такая вещь существовала во всей Империи Юй, её бы давно кто-то принёс ко двору, словно сокровище, — ведь император очень любил и ценил своего брата и всегда делился с ним всем лучшим, даже если сам тем не пользовался.

Тан Шоу же в это время радостно перебирал свои смеси, когда внезапно оказался крепко притянут к широкой груди.

— Фулан, — прошептал Сюн Чжуаншань, — неважно, откуда ты пришёл. Теперь ты мой. И останешься моим — при жизни и после смерти. Ты мой супруг. Можешь даже не мечтать сбежать.

Он не думал, сколько серебра может принести Тан Шоу — ему это было безразлично. Всё, что волновало его — это человек перед ним. Это чувство в груди — бурное, неуправляемое. Стоило лишь взглянуть на него — и сердце начинало петь, и вся душа наполнялась светом. Он смотрел вперёд и впервые с жадностью ждал будущего.

Тан Шоу опустил ресницы, в его взгляде промелькнула тень, он молча и нежно похлопывал по спине Сюн Чжуаншаня, пытаясь успокоить, но так и не произнёс ни одного обещания.

Из-за дороговизны используемых в зубной пасте благовоний и лекарственных ингредиентов, конечная цена изделия, разумеется, была высокой. Смесь «Хэ ци жу лань» — «Дыхание, словно орхидея» — содержала самые изысканные компоненты, и маленькая круглая коробочка диаметром в полтора цуня и высотой в цунь стоила четыре ляна серебра. «Цзюньцзы» — «Благородный муж» — содержала ингредиенты попроще, но стоила и того — три ляна. Самая простая — «Циньсинь» — «Свежесть» — стоила дешевле всего, но даже за неё просили пятьсот вэнь. Такая цена была явно не по карману обычным деревенским людям.

Именно из-за этой дороговизны, пусть Тан Шу и обладал даром убеждения, в деревне вряд ли кто-то рискнёт закупить такой товар — ведь если его не удастся продать, всё ляжет мёртвым

грузом. Но и пускать в оборот «на реализацию», а деньги получить позже, он тоже не собирался.

Зубная паста была слишком дорогой, чтобы доверять её простым людям на слово. Он боялся не того, что её не купят, а именно того, что найдётся кто-то, кто, продав товар, не вернёт денег. Или начнёт разыгрывать бедствие: слёзы, жалобы, рассказы о бедной семье, о том, как без этих денег им не выжить... В таких случаях — взять деньги обратно или махнуть рукой? Конечно, если Сюн Чжуаншань вмешается, деньги вернуть можно. Но тогда его имя, и без того подмоченное, окончательно погрязнет в слухах. А если имя не очистить, когда Тан Шоу однажды уйдёт, Сюн Чжуаншань останется один с большим хозяйством и без единого союзника — тогда вся деревня может ополчиться против него, и одному будет не устоять.

К тому же, если он хоть раз пойдёт на уступки, в будущем, когда появятся новые необычные товары, деревенские в первую очередь начнут просить «попробовать продать». Никто не захочет рисковать своими деньгами, чтобы закупить. А если Тан Шоу тогда откажет, обязательно найдутся недовольные — скажут: «Раньше можно было, а теперь почему нет?» И никто ведь не подумает, что чем дороже товар, тем выше и себестоимость, а значит, в случае убытков страдать будет он. Вместо того чтобы потом постоянно разруливать возникающие проблемы, проще с самого начала пресечь это на корню, не создавая опасных прецедентов. В крайнем случае можно подождать. Зубная паста — вещь хорошая, и она может выждать. Подходящее время обязательно придёт.

Раз никто не хотел тратиться на закупку, Тан Шоу поручил Сюн Чжу попробовать продать их. Но Сюн Чжу вырос в крестьянской среде и попросту не имел доступа к молодым господам и барышням из влиятельных семей. Знакомые ему слуги и сами боялись рекомендовать столь дорогую вещь своим господам — а вдруг не понравится, разгневают их, и всё обернётся бедой. Люди из знати и без того презрительно относились к простолюдинам, и всерьёз не верили, что крестьяне могут создать нечто стоящее, чего они сами ещё не видели.

— Невестка, я ничего не продал... — вернулся к вечеру Сюн Чжу, весь понурый. Прошло уже несколько дней, а он так и не смог сбыть ни одной коробочки зубной пасты, ни одной щётки, и сердце его было полно вины.

— Ничего, со временем всё получится, — Тан Шоу на словах утешил Сюн Чжу, но, отвернувшись, с тревогой глянул на изделия, скопившиеся в углу. Всё это ведь — деньги. Хотя сейчас зима, и можно не спешить с продажами, но всё же значительная часть их серебра была вложена в эти товары. Пока они не начнут приносить доход, в доме с каждым днём будет становиться всё туже с деньгами. Сейчас он уже и мясо есть стал через раз — жалел лишний кусок.

Сюн Чжуаншань пытался утешить:

— Фулан, не торопись, подождём ещё немного. Если и через несколько дней не получится продать — я что-нибудь придумаю.

Тан Шоу же был мрачен:

— Что тут можно придумать... Мы ведь даже не знакомы с этими молодыми господами и барышнями из знатных семей. Да только бы одного найти — всё, наш товар точно пойдёт нарасхват, они бы тут же выстроились в очередь!

— Я тебе верю. Не спеши. Подождём немного. Если и правда не получится, я что-нибудь обязательно придумаю.

Пока Тан Шоу изводился от тревоги, в доме семьи Сюн и в семье Сун царило небывалое оживление. Едва брезжил рассвет, как жители деревни толпами выстраивались у дома Сун, чтобы закупить сладости.

Эти рецепты Сюн Сы-нян передал супруг второго брата — из жалости к тому, через что она прошла, из желания помочь. А потому она обязана оправдать его доверие, ни в коем случае не имея права допустить утечку. И вот Сюн Сы-нян, всегда бывшая кроткой и покорной, на этот раз проявила невиданную твёрдость. Лучше уж вставать ни свет ни заря и зарабатывать чуть меньше, чем допустить, чтобы кто-то из семьи Сун участвовал в приготовлении — даже просто подбрасывая дрова в печь.

Даже мужу, Сун-эрлану она позволяла только смотреть со двора — внутрь, на сам процесс, было строго запрещено заглядывать.

Поначалу старшая невестка семьи Сун пробовала ворчать, намекать, поддевать Сюн Сы-нян: мол, вспомни, чья ты жена, к чьей семье должна быть сердцем ближе. Такие слова и пострашнее Сюн Сы-нян слышала раньше немало. Старики семьи Сун всякий раз делали вид, будто ничего не слышат. Так было и на этот раз. Более того — на этот раз в их поведении угадывалось даже негласное одобрение поведения старшей невестки. Третья невестка, подражая свекрови и свёкру, тоже подхватила насмешки — и заговорила с Сюн Сы-нян резко и колко.

Сюн Сы-нян и виду не подала, что испугалась или смутилась. Ни на кого не взглянув, она молча отложила палочки, встала из-за стола и направилась в свою комнату. Сначала в семье Сун никто на это особого внимания не обратил — решили, что она просто вспылила и ушла остудиться. Но через мгновение она вышла вновь — с небольшим узелком в руках.

Все замерли от изумления.

— Сы-нян, ты это... ты что удумала? — Сун-эрлан поспешно вскочил и перегородил ей путь, пытаясь выхватить узелок у неё из руки.

Сюн Сы-нян ловко отдернула руку, не дала — и без крика, без слёз, лишь спокойно и холодно сказала:

— С самого начала договор был таков: рецепт этих сладостей — мое приданое, это моя собственность. Сами подумайте, у кого ещё из вышедших замуж дочерей есть в приданом родовой кулинарный рецепт? Разве кто-нибудь в здравом уме делится с выданной дочерью таким добром? А теперь что? Как понимать — старшая невестка, младшая, все уже заглядываются: если в моём приданом не было ничего стоящего, значит, можно просто так отобрать то небольшое, что есть?

Старшая невестка, привыкшая измываться над Сюн Сы-нян и помыкать ею как угодно, тут же фыркнула:

— Ты вышла замуж в семью Сун, и всё, что ты привезла с собой, стало собственностью семьи Сун. Этот твой рецепт — теперь наш. И мне, как старшей невестке в доме, он должен принадлежать, я тоже имею право. Мои сыновья — такие же потомки семьи Сун, как и твой!

Жена третьего сына тут же поддержала:

— Вот именно! Сестра, ты не забывай, чья ты теперь жена. С чьего стола ешь, в чьём доме живёшь.

Сюн Сы-нян не стала с ними препираться. Она просто подняла голову и посмотрела на родителей мужа:

— Мама, папа, а вы что скажете?

Старший Сун, всё же мужчина, понимал, что есть вещи, которые нельзя делать в открытую, чтобы не потерять лицо. Принуждать невестку к тому, чтобы она выдала семейный рецепт сладостей — это уже перебор. Он лишь нахмурился, но промолчал.

А вот мать Сун, простая женщина, таких сложностей не знала. Её не смущала ни стыд, ни честь — если что, всегда можно списать на то, что «баба глупа, не ведала, что творила».

Она сказала:

— Сы-нян, как ни крути, а ты теперь вторая невестка в семье Сун.